

Ольга Анатольевна ЖУКОВА,
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва),
доктор философских наук, профессор*

К ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Удержание современной России в горизонте культурной памяти России исторической, сохранение ее национально-государственного суверенитета с учетом сложившегося в истории этноконфессионального многообразия и поликультурности представляет собой предельно сложную задачу. Здесь необходима и политическая воля власти, и консолидированные усилия общества, и огромная интеллектуальная работа в виде философской рефлексии культурного опыта России. Вторую сторону этого процесса актуализации исторической памяти и строительства на ее основе новой гражданской нации составляет собственно проблема культурно-политической самоидентификации российского общества в условиях глобальной современности.

Рассматривая типологически современность как глобальный проект универсальной цивилизации, можно видеть, что главной интригой, определившей драматургическую линию ее развития на уровне национальных государств и культур, начиная с XX века, стала борьба классического, постклассического, неклассического и постнеклассического типов мышления. Запрос современной философии и культурологии на исследования, выявляющие процесс трансформации национальных культур в эпоху глобализации, вполне закономерен. Гуманитарные науки активно описывают и интерпретируют переход от позднего модерна к социальной истории массового общества, вступившего к концу XX века в стадию развития информационной куль-

туры и цивилизации. В условиях универсализирующей образ жизни цивилизации, где исторически сложившиеся высокие практики культуры – искусство, философия, религия, политика, связанные с проблемой самопонимания человека и общества во времени и вечности, видоизменяются, основная проблематика национальных культур, стоящих перед историческим вызовом глобальной современности, лежит в плоскости организации жизненной реальности. Она перестает быть простой данностью бытия, органически наследуемой традицией, но каждый раз заново должна быть осмыслена и пересоздана интеллектуальным и моральным усилием в акте свободного выбора, который всегда сопряжен с ответственностью – индивидуальной и коллективной. Понятие постмодерна, используемое для обозначения нового качества современности, возможно, и дает некоторое представление о социокультурных модификациях модерна и его влияния в неевропейских странах, но, очевидно, не охватывает собой сложности и многообразия происходящих процессов в различных странах и регионах.

В этом контексте попытка рассмотреть проблему существования национальных (региональных) культур в их сложном взаимодействии с глобализационными процессами приводит к появлению значимой тенденции в области философских, культурологических и социально-политических исследований. В последнее время интерес широкого круга ученых-гуманитариев привлекает концепция поликультурного общества в новой парадигме универсального глобального мира. Данная трактовка культуры постсовременного общества, оснащенного мощным технологическим и информационным инструментарием, нередко рассматривается как альтернативная концепции суверенных государств и составляющих их ценностно-смысловое ядро национальных культур, имеющих собственное месторазвитие и длительную историю существования. Отечественная гуманитаристика активно осваивает настоящий круг проблем, и это не случайно, поскольку процесс вхождения постсоветской России в актуальный глобальный мир значительно осложнен. Обремененная драматической историей XX столетия Россия, не успевшая в полной мере реализовать проект модерна, дважды потеряла свою государственность и территории. Сегодня она с большими издержками становится участником технологического и культурно-политического проекта современности. Дополнительную трудность для России составляет вопрос цивили-

зационного выбора – модели развития страны, спровоцированной не только текущим кризисом, которое переживает любое общество, но настоящими цивилизационными срывами, радикально изменившими облик России в XX веке.

Приходится констатировать, что российское общество сегодня обременено не столько исторической памятью, сколько драматическим *наследством* своей истории. И в XXI веке Россия продолжает оставаться заложницей «неустройства» общественного бытия, не решив главной проблемы – не определившись с цивилизационной идентичностью. Вспомним недавний инцидент, получивший публичный резонанс. Он был спровоцирован обсуждением некоего программного документа загадочного происхождения, связанного с вопросом государственной культурной политики. Вопрос о том, чем является Россия – Европой или *не-Европой*, на чем настаивали безымянные авторы документа, вызвал недоумение в кругах интеллектуалов и, как следствие, справедливое сопротивление российской интеллигенции, высказанное открыто. Это один из красноречивых примеров, когда любая программа развития сомнительного экспертного качества, предлагаемая властью как субъектом политической деятельности или иным другим социальным актором (обществом, политической оппозицией, религиозными организациями, другими авторитетными кредиторами мнения), рискует оказаться неясной, прежде всего, для общественного сознания.

Современная Россия в буквальном смысле слова живет под обломками двух империй, рухнувших в XX веке. А за трагедией, постигшей русский трон – этот символ древнего священного царства, прочитывается и гибель византийской империи. Как будто бы сбывается тяжелый прогноз П. Б. Струве, предупреждавшего, что *страшнее коммунизма будут только его обломки*. Российское общество выбирается из-под глыб геополитических катастроф, оказываясь перед тем же кругом проблем, вокруг которых билась русская мысль, и все перед тем же выбором: Россия – это страна европейской идентичности (как считали представители русской либерально-консервативной мысли), евразийской (по мнению П. Сувчинского, П. Савицкого, Н. Трубецкого), византийской (К. Леонтьев, отчасти Г. Флоровский, И. Ильин) или самобытная цивилизация (поздние евразийцы и почвенники)?

Если попытаться произвести реконструкцию культурно-политической истории Руси/России, то можно увидеть в ней несколько начатых и

по разным причинам внутреннего и внешнего свойства не завершенных цивилизационных проектов. Такая «кредитная история» политической традиции наводит (особенно непримиримых критиков и скептиков) на мысль о преследующих Россию исторических и метафизических неудачах, обвинять в которых следует только ее саму. Радикальный вывод таких экспертов – России с ее особенностями государственности, огромной территорией и поликультурностью социума, удерживаемого единством русской духовной и языковой картины мира, просто не должно быть. Согласиться с подобным выводом категорически невозможно. Но в причинах следует разбираться предельно честно, во всеоружии знания и, по совету выдающегося знатока и философа русской истории В. О. Ключевского, учиться на уроках, ею преподносимых.

Обратим внимание: в своих рассуждениях мы используем слово «проект» скорее как метафору. Говоря о «проектной стратегии» в создании новой социальной реальности, мы делаем определенное допущение, сознавая, что привносим «модернизирующий» элемент. Ни князь Владимир, ни Петр Великий не строили никаких «социальных проектов» и «бизнес-планов» в отношении наличной культурной и политической реальности в современном значении проектной деятельности. Тем не менее, осуществленная киевским князем христианизация Руси, как и петровская вестернизация русского царства, явились по замыслу, масштабу, целевым задачам и интенсивности изменений культурных практик именно *историческими проектами модернизации* – глубинными трансформациями старого социального порядка, на смену которому приходил новый порядок общественного бытия.

Первый проект – *проект русского христианского универсализма* – был связан с освоением восточной версии христианского предания. Философско-богословское осмысление процесса христианизации Руси отражено уже в «Повести временных лет». Смысл и значение свершившегося события и его культурно-исторических последствий раскрывает митрополит Илларион – автор выдающегося памятника древнерусской литературы «Слово о Законе и Благодати», подчеркивая, что крещением Русь вошла в мировую историю, влилась в единую семью народов, пребывая теперь не под властью ветхого закона, но в новозаветной истории с Христом. Процесс стабилизации русского христианского мира был прерван монгольским нашествием. Элементы ордынской системы власти «въелись» в социальную ткань русского мира.

Второй проект русской модернизации был связан уже с политической стабилизацией Московского царства, искавшего точку опоры и утверждавшего свою легитимность через преемственность с византийским престолом. Духовно-политическим стержнем этого проекта стала *идея священного престола – православного царства*. Иоанн Грозный – венчаный на царство правитель Руси. Кульминации эта линия универсализации русского мира в политической модели священного царства достигла в правление Алексея Михайловича. Желание патриарха Никона стать выше царя – утвердить дар священства превыше дара царства – нарушило «симфонию властей». Церковный раскол сорвал процесс формирования русской нации. В отличие от Европы, где строительство национальных государств в XVII веке составило главное содержание социальных изменений, русский мир разделился «в себе самом». Между старым и новым порядком бытия не было никаких переходных, эволюционных форм, способных обеспечить преемственность социального опыта. Старое и новое столкнулись как два непримиримых антагониста, травмировав национальное самосознание.

Имперский проект Петра Великого, который попытался вернуть Россию в лоно универсализма христианского мира, – это *проект классического европейского модерна* в рамках Российской империи с прежде незавершенным генезисом русской нации, при котором подавляющая часть населения осталась социально и ментально в культуре религиозного традиционализма. Эта травма породила уже в XIX веке драматически напряженный спор о цивилизационной и культурной идентичности России, ее историческом выборе и месте в европейском культурном предании. Российское общество, не достроившее модерн в системе социальных и политических институтов, было взорвано революцией, спровоцированной событиями Первой мировой войны. Большевицкое государство – это уже *проект неклассического модерна* в рамках советской империи с идеократическим типом власти.

Нетрудно заметить, что в спектре мнений о России парадигмальным остается спор «западничества» и «почвенничества», который предстает как модель расколотого сознания. Раскол в русской истории, как показал в своих трудах А. Ахиезер, стал катастрофическим, непродуктивным способом снятия противоречий путем размежевания крайних историсофских и культурфилософских позиций, на

фундаменте которых выстраивалась и модель политического устройства России: России как Европы или России – не-Европы. Расколотое сознание запускало механизм исторического реверса: Россия неоднократно переживала цивилизационные срывы в своем историческом развитии, что, как правило, вело или к всеобщей, или к частичной архаизации социума, а затем раскол и хаос «уврачевывался» тем, что стягивался в новое целое посредством мифа. Одно из следствий этих процессов – в достигнутый после хаоса период стабилизации социального и культурного мира не записывать, а переписывать историческое предание, создавать новый канон истории и прилагать к нему руководство по чтению – политический катехизис победившей стороны.

Как представляется, в новой попытке модернизации, которая обозначена как одна из магистральных целей политико-экономического и государственно-культурного развития России, для современных философов российской истории сразу возникает ряд значимых проблем, которые остро нуждаются в открытом обсуждении научным сообществом:

- во-первых, это проблема дискурса – научного языка, отвечающего задаче адекватного понимания и интерпретации отечественной истории, ее культурных и политических традиций;

- во-вторых, это проблема актуализации смыслов и концептов, способных запустить механизм исторического саморазвития российского общества и сформировать запрос на продуктивного индивида – на ту творческую личность, которая соответствует креативной парадигме современности и о которой упорно говорил Н. Бердяев, выступивший с творческим манифестом новой духовности, и П. Струве, сформулировавший известную концепцию личной годности.

Дискуссия необходимым образом становится поиском ответов на ряд смысложизненных для исторического бытия России вопросов:

- в какой форме исторической и политической субъектности мыслить Россию – как империю, национальное государство, наднациональный союз?

- как сформулировать адекватную «идею России» с опорой на правдивое и документально-доказательное понимание отечественной культуры и истории?

- какую цивилизационную стратегию развития может и должна принять Россия, чтобы остаться субъектом исторического творчества,

побороться за историю, за свое присутствие в современности? Но это уже вопрос самоопределения общества и власти.

На наш взгляд, ответы нужно искать в отечественной интеллектуальной традиции – в тех прецедентах культурного и политического творчества, где на высоком уровне рефлексирующей мысли и социальной практики были даны «лично годные» образцы жизни. По сути, речь идет о социально-политических и общественно-культурных программах, представляющих собой вариант продуктивного синтеза ценностей национально-культурных (в том числе метафизических) и инструментальных (политических, социально-экономических), *том опыте снятия противоречий между национальным преданием, традициями культурного бытия и социальными институтами европейской цивилизации, составляющих основы правового государства и гражданского общества.*

Вопрос о национально-ориентированном плане развития Российского государства и общества возвращает нас к парадигмальной проблеме культурного и интеллектуального диалога России и Европы. По справедливому замечанию известного русского писателя-эмигранта, историка культуры В. В. Вейдле, «вопрос о России и Западе, вопрос о месте России, в Европе или вне Европы, – не только русский вопрос, хотя нигде он с такой болезненной остротой не ставился, не обсуждался так судорожно, как в России. Очень верно ощущали его у нас, как основной вопрос нашего исторического бытия» [1. С. 121]. Обсуждая столь насущную для национального культурного самосознания проблему в статье «Границы Европы», Вейдле оппонирует двум противоположным мнениям, обозначившим линию идейного раскола в русском обществе: «Вместо осознания России как неотъемлемой составной части европейско-христианского мира, временно выделенной из него (от XIII до XVII века), но имеющей вернуться в его лоно, сохраняя при этом свою особенность, свое национальное лицо, у нас либо превозносили и готовились закрепить навсегда ее отдельность, либо отрицали все личные ее черты и стремились к простому уравнию ее с Западом» [1. С. 121–122].

В этом контексте историософский вопрос о России сегодня, в том числе и ее культурно-политической специфике, – это вопрос о взаимодействии с другими типами цивилизационной укладности и политико-правовой рациональности, прежде всего европейской. Он связан

с определением возможных форм смысловой взаимообусловленности и диалога в ситуации встречи, с *особенностями усвоения субъектами интеллектуального творчества философско-политических концептов и культурных архетипов, выработанных внутри другой традиции*. Указывая на данную проблему, мы исходим из исторического факта, свидетельствующего о том, что русское общество, начиная с эпохи Петра, активно осваивало культурные результаты европейского Просвещения. Тем самым русская культура становилась частью европейской цивилизации эпохи модерна, мыслившего себя как универсальный проект. Даже сталинская модернизация была способом «догнать» локомотивы современности – Европу и Америку – те страны, которые успешно осуществили проект модерна, не говоря уже о европейских корнях большевистской революции, идеологически выросшей из политэкономии Маркса и философии истории Гегеля. И сегодня, как видится, цель новой российской модернизации состоит не в чем ином, как в *генерировании современного социально-политического и культурного уклада*. Единственно возможный путь России сохранить себя и выйти на новую фазу исторического развития – понимать свою идентичность как *национальную версию* общей европейско-христианской цивилизации.

Справедливо утверждать, что в ситуации выбора модели развития страны общество, правящий класс и интеллектуальная элита вынуждены возвращаться к обсуждению парадигмальной темы национальной-культурной идентичности России, ее цивилизационных оснований, политической структуры и экономического уклада. Этот острейший историософский и культурфилософский вопрос в буквальном смысле слова реанимирует идейную борьбу между «западниками» и «почвенниками», возникшую в русском обществе еще в середине XIX века. Заметим: данная ситуация определяется тем, что, с одной стороны, характер наследования традиций российской духовной, художественно-философской и политической культуры в XX веке не представляет собой органической линии преемственности; с другой стороны, парадоксальным образом современность обнаруживает столь узнаваемые черты идейной борьбы эпохи русского модерна, который имел культурно-просветительскую и политическую линии развития.

В сегодняшнем публичном столкновении консервативного и либерального дискурсов в русской культурно-политической истории про-

читывается драматическое противостояние «западников» и «славянофилов», защитников европейских ценностей, спорящих с идеологами особого русского пути, сторонников монархии и социал-демократов, охранителей и революционеров, государственников и радикалов. Вопрос о том, сложилась ли в русской политической культуре полноценная конкуренция либеральной и консервативной традиции парламентского типа, сам по себе является предметом дискуссии. Тем не менее, типологические характеристики «либерального» и «консервативного» лагеря с точки зрения их взглядов на базовые ценности европейского модерна – культуру и свободу – должны быть выявлены и концептуализированы с использованием методологии современных культурно-философских исследований. Подобная интеллектуальная работа связана с исследованием идейной структуры российских культурно-политических традиций с опорой на общий анализ отечественной культуры, умонастроения образованного и правящего класса, авторов-носителей либеральных и консервативных ценностей, репрезентированных в социокультурных моделях поведения.

В этом контексте изучение интеллектуального наследия российского либерализма и консерватизма в период XIX – середины XX вв. представляется репрезентативным для определения границы и объема понятия «национальная культура» в связке с понятием «историческая память». Подобная исследовательская стратегия позволяет актуализировать важные вопросы развития отечественной философской мысли, в рамках которой рефлексировалась тема исторического самосознания русского общества и национальной культуры, ее ключевой историософской и культурфилософской парадигмы «Восток – Запад», «Россия и Европа» в рамках идеологии Просвещения и идейных исканий позднего модерна. Поэтому обратиться к культурфилософским и политическим идеям отечественных консерваторов и их оппонентов-либералов сегодня означает поставить вопрос политического устройства современной России во взаимосвязи с духовными традициями, оформившими специфику национального бытия, и тем самым понять стержневую связку культурного и социально-политического уклада русской цивилизации.

Мы можем констатировать, что несмотря на выбор ценностей, связанных с либеральной моделью развития общества, процесс государственно-политического строительства в России демонстрирует узнаваемые консервативные, едва ли не традиционалистские черты. Это

служит одним из доказательств, что проект Просвещения в России так и не осуществлен. Однако однозначно трактовать консерватизм как проявление архаизирующего порядка русского мира, конечно, было бы серьезным упрощением. Как русскому консерватизму, так и либерализму удалось сформулировать немало идей, обладающих потенциалом социального и культурного строительства. Поэтому задача философа русской социальной и культурной истории должна состоять в реконструкции традиции, но не в форме канона, а в форме открытого диалога с культурным преданием, т. е. в форме актуальной памяти культуры. В этом контексте философская рефлексия политической традиции России будет заключаться в выявлении как конструктивных, так и деструктивных черт политической культуры, что предполагает и следующий этап – *генерирование жизнеспособной стратегии развития российской гражданской нации на основе сценария сохранения и творческого освоения богатейшего национально-культурного наследия России, ео капитализации.*

Безусловно, следует учитывать тот факт, что характер социокультурных процессов современности неизбежно влияет на способ существования национальных культур. Более того, интеграция в универсальный проект мировой цивилизации несет в себе реальную опасность растворения и полной ассимиляции традиций. Если мы будем говорить о русской культуре как национально-историческом ядре Российского государства и основе национального самосознания российского общества, то вопрос состоит в следующем. Освоение современности в духе задач догоняющей модернизации вряд ли будет сегодня продуктивным для России. Есть иной путь. Он заключается в *актуализации ценностей и смыслов русской культуры классической эпохи, совершившей на высоте своего духовно-интеллектуального развития синтез национальной традиции и культурно-политических ценностей европейского модерна. Новое Просвещение, или актуальный российский модерн, возможно только как практика творческого, культурного, социального, политического делания.* Другой вопрос – смогут ли новые художники, философы, преподаватели, ученые, политики, религиозные деятели, ориентированные на лучшие интеллектуально-творческие и социально-значимые образцы русской культуры, создать запрос на актуализацию историко-культурной идентичности России? Смогут ли творческие идеи и нравственные идеалы, аутентичные духовным и культурно-политическим традициям Рос-

сии, не только противостоять современным глобальным социально-экономическим и политическим процессам, но и трансформировать энергию современности в социально приемлемую, политически адекватную и духовно оправданную? Как осуществить преемственность и конвертацию этих традиций не только в область высоких практик, но и в повседневный жизненный мир носителей современной культуры, его обыденных представлений?

Как представляется, просветительская идея освоения традиций русской культуры как национальной, достигшей мирового значения на высоте своих универсальных духовно-художественных и интеллектуальных достижений и интериоризация ее ценностно-смысловой сферы в социальное сознание агентов современной России, пожалуй, единственный, практически безальтернативный ответ, только и возможный в условиях современности. А это значит, что память культуры будет связана с *производством смыслов*, транслируемых в производство знаний в системе институтов образования и социализации. Другого *механизма исторической памяти*, кроме постоянно воспроизводимой трансляции идеалов и ценностей и их интериоризации в личностном опыте, у культуры просто нет. И в этом качестве проект Русского Просвещения, рожденный в лоне европейского модерна и начавший воплощаться в имперской России, универсален и вечен.

Иными словами, исторические перспективы культурно-политической общности современной России зависят от *способности помнить*, т. е. актуализировать, историческое наследие, превратить его в капитал, «взять его в обращение» и ответственное распоряжение, имея только одну цель – его приумножить. Это означает, что метафизические смыслы должны быть опосредствованы в интеллектуальной, художественной и политической культуре – получить «знаниевую прописку» в образовании и «информационную» в публичном пространстве, повлияв на ментальный строй политической элиты, статусных групп и гражданской нации. В этом случае память культуры в виде национального предания, или исторического нарратива в форме европейско-христианского универсализма русской культуры, обремененная философской рефлексией, будет работать не только как культурный текст, но и сформирует новый культурный дискурс, в рамках которого будет разворачиваться новый проект исторического творчества нации в диалоге прошлого, настоящего и будущего.

Литература

1. *Вейдле В. В.* Умирание искусства. – М.: Республика, 2001.